

УДК 821.161.1

Е. П. Аристова

<https://orcid.org/0000-0001-5340-2642>

«Перед восходом солнца» М. М. Зощенко: торжество разума и индивидуальное сознание

Для цитирования: Аристова Е. П. «Перед восходом солнца» М. М. Зощенко: торжество разума и индивидуальное сознание // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 213–219.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-213-218

В статье исследуется известное произведение М. М. Зощенко «Перед восходом солнца». Повесть, написанная в годы Великой Отечественной войны, преподносится автором как антифашистская. Темой повествования является становление его собственного «Я», психологические мотивы, побуждающие соглашаться со страданием и насилием либо бороться с ними. Фашизм в восприятии автора – полное поражение в борьбе со зверством и жестокостью, страх борьбы с несчастьями мира. Зощенко обращается к науке как к светлой надежде доказать существование сознания, побеждающего иррациональную природу души. Повесть была частью военной и послевоенной эпохи: писатели и философы (Х. Арндт, Ж. П. Сартр, К. Поппер и другие) активно обсуждали природу тоталитарных режимов, причины их поддержки, роль личного восприятия в их утверждении, возможность индивидуального, а не коллективного, определения блага, роль рациональности, то уничтожающей единичное ради всеобщих рациональных законов, то, напротив, побуждающей к индивидуализму и критическому мышлению. Вопрос о роли индивидуального сознания показан как один из древних вопросов европейской философии, по-разному решавшийся в традициях платонизма и христианства. М. М. Зощенко, скорее, писатель-гуманист, обращавший в своем творчестве внимание на индивидуальное переживание человека. Пытаясь показать, что торжество сознания может личным выбором, он рассуждает о роли художественного творчества, о характере неврозов, тоски и переживаний множества гениев искусства. Свою повесть Зощенко пытается сделать наглядной демонстрацией возможности совместить торжество разума с искренностью личного художественного стиля, а значит, и личного выбора в пользу разума.

Ключевые слова: русская литература, советская литература, М. М. Зощенко, «Перед восходом солнца», сталинизм, тоталитаризм, искусство, творчество.

Е. P. Aristova

«Before sunrise» by M. M. Zoshchenko: the triumph of mind and individual consciousness

The article explores the famous work of M. M. Zoshchenko «Before Sunrise». The story, written during the World War II, is presented by the author as anti-fascist. The theme of the story is the formation of his own «I», psychological motives that encourage one to agree with suffering and violence or to fight them. Fascism in the perception of the author is a complete defeat in the fight against brutality and cruelty, a fear of fight with suffering. Zoshchenko refers to science as a bright hope to prove the existence of consciousness conquering the irrational nature of the soul. The story was a part of the war and post-war era: writers and philosophers (H. Arendt, J. P. Sartre, K. Popper and others) actively discussed the nature of totalitarian regimes, the reasons for their support, the role of personal perception in their affirmation, the possibility of individual rather than collective defining the good, the role of rationality destroying the individual for the sake of universal rational laws and at the same time encouraging individualism and critical thinking. The question of the role of individual consciousness is shown as one of the ancient questions of European philosophy, answered differently in the traditions of Platonism and Christianity. M. M. Zoshchenko is more a humanist writer who paid attention to the individual experience of a person. Trying to show that the triumph of consciousness can be a personal choice he discusses the role of artistic creativity, the nature of neurosis in experiences of many art geniuses. Zoshchenko is trying to make his story a clear demonstration of the possibility of combining the triumph of reason with the sincerity of personal artistic style and hence personal choice in favor of reason.

Key words: Russian literature, Soviet literature, M. M. Zoshchenko, «Before sunrise», Stalinism, totalitarianism, art, creation.

В 1943 г. выходит повесть М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» (публикуются отдельные части). В этом необычном произведении писатель называет своей задачей *«изучение сознания»* и свидетельствует о жизни собственного Я, ища победы разума над иррациональным *«низишим этажом»* души, ответственным за несчастье человека и жестокость нацизма. Книга писалась под звуки снарядов, ее черновики автор вывез в эвакуацию из блокадного Ленинграда вместо вещей первой необходимости и хранил под матрасом рядом с бесценным для ленинградца мешком сухарей. Посыл произведения был, очевидно, важен для него. Древний вопрос возможности торжества разумного начала над неразумным приобрел особое звучание в философской и художественной культуре военной и послевоенной Европы, и работу Зощенко можно и нужно рассмотреть в ее контексте. Тем более, что в начале XXI столетия с его невероятным развитием информационных и коммуникационных технологий тема управления психологическим восприятием и роли индивидуального сознания вновь актуальна.

Зощенко и оценка фашизма в европейской философской культуре

Бывший дворянин Михаил Михайлович Зощенко, как известно, отказался покинуть Родину с эмигрантами, хотя и сложно адаптировался к зарождению советской идеологической утопии. Биограф пишет о трудностях, постигших его после революции – о страхе за близких, бегстве с места на место и бесконечной смене случайных профессий, о неумении найти себя в новом мире [Попов, 2017, с. 22–23]. Но он упоминает и литературный успех – значительные тиражи, всесоюзную известность вплоть до начала 1940-х гг. (с этого периода начинается «опала»). Литературой Зощенко, неуместный в новом мире, буквально спасался. Его короткие юмористические рассказы, трогательно обращенные к людям, касались не идеологической борьбы, а чего-то более универсального, человеческого, понятного читателю и из другой эпохи, и из другого политического стана. Это были *«На общем фоне громадных масштабов и идей... повести о мелких, слабых людях и обывателях»* [Попов, 2017, с. 79]. По другой оценке, знаменитый юмор мог выступать и «защитным» механизмом, позволяющим человеку, не укладывающемуся в рамки официальной культуры, отстраниться от нее [Жолковский, 1999, с. 17]. И все же Зощенко читатели очень любили. Он осознанно использовал простоту формы, искал способ

коммуникации с каждым. Позже, в «Перед восходом солнца», как уникальный художник он передал собственное ощущение незащитности перед лицом обстоятельств – грандиозность событий выбивала у его поколения почву из под ног, делала каждого *«несчастной пылинкой, уносимой любым дуновением ветра»*. Повесть стала серьезным разговором зрелого автора о роли и природе человека в новой ситуации.

Несмотря на то, что книга позиционировалась как антифашистская, государство, победившее фашизм, и его лидер, И.В. Сталин, оказались не готовы ее принять. Антропологическая проблематика, высвеченная Зощенко в период истории, когда ценность человечности была под вопросом, затронула не только разум, но и стихию, которая ему противостоит, слишком страшную *«черную воду»*, перечеркивающую простоту вечных (хотелось бы, чтобы вечных!) законов противопоставления добра и зла, борьбы и победы.

Интеллектуальная рефлексия над психологическими и антропологическими истоками фашизма была частью эпохи. Х. Арендт в работе «Истоки тоталитаризма» 1947 г. анализирует причины, по которым житель Германии оказался готов поверить нацистам. Большую роль, по ее мнению, играла потерянности появившегося в XX в. человека массы, неумение найти свое место в сложном мире. Для такого индивида, по словам исследовательницы, тоталитарные режимы *«...создают целый мир непротиворечивости, который более соответствует потребностям человеческого разума, чем сама реальность»* [Арендт, 1996, с. 466]. Ж. П. Сартр в 1946 г. рассуждает о новом гуманизме – о способности совершать моральный выбор без внешних, заведомо проверенных обществом комфортных предписаний: *«Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причём таким человеком, каким он сделает себя сам»* [Сартр, URL]. К. Поппер уже в конце 1930-х гг. осмысливает параллель между тоталитаризмом и идеальным государством Платона, в котором гражданин существует ради всеобщего, а не личного блага. Человеческий индивид, как все «земное» и чувственное, является лишь бледным подобием индивида истинного – государства [Поппер, 1992 (Т.1), с. 114, 124], так что мучительную личную ответственность можно забыть в пользу родовых табу [Поппер, 1992 (Т.1), с.152]. Эта тенденция, по мнению Поппера, находит развитие в более поздней классической фило-

софии, прежде всего, в работах Г.В. Гегеля и К. Маркса, противопоставлявших индивидуальному сознанию сознание коллективное, будь то дух народа, нации, интересы класса или всеобщие законы исторического развития [Поппер, 1992, (Т.II) с. 70, 137].

Творчество советского писателя Зощенко с его поиском новой антропологии, исследованием личных переживаний и надеждой на разум, противостоящий фашизму, откликалось на вопросы времени. Е. И. Колесникова отмечает открытое стремление М. М. Зощенко поставить вопрос об искренности отклика творческого человека на идеологические ценности. Так она характеризует эпоху 1930-х – 1940-х гг.: «...существовал некий зазор между официальной идеологией и реальной ментальностью общества» [Колесникова, 2008, с. 101]. Некоторые исследователи склоняются к тому, что его следует рассматривать в контексте сталинизма, как иносказание или иронию [Мау, 1996, р. 118]. Их можно понять, читая в повести, к примеру, строки о том, что социализм избавляет людей от страха за работу, а следовательно, и за питание (и это после коллективизации 1930-х гг.!). Но Зощенко, в конце жизни подвергшийся травле, поначалу не был открытым противником большевиков, на заре творческой карьеры он был принят и даже любим. Очевидно, повесть была задумана как рассмотрение механизмов сознания, лежащих над закономерностями той или иной политической системы. Он искал возможность избавить людей от страданий вообще, а также научить их отвечать на зверство и страдания не страхом, а борьбой. Заметим, впрочем, что подобную «практическую» ориентированность произведения можно рассматривать, как своеобразный тренд литературы периода становления нового советского общества. Е. А. Худенко отмечает характерное для сталинской эпохи развитие жанра автобиографии, а также возможное влияние на М. М. Зощенко М. А. Горького, своеобразного образца художника-практика, противопоставленного художнику-наблюдателю [Худенко, 2011, с. 148].

Исследователь и Мемуарист

В повести «Перед восходом солнца» две повествующих фигуры, две маски одного и того же рассказчика: Исследователь и Мемуарист.

Исследователь, стилизуя текст под научную работу, формулирует проблему, упоминает предшественников, проверяет гипотезы с помощью наблюдений. Зощенко критикует Фрейда и делает предположения о возможном развитии теории

Павлова, ища «железные формулы», которые объяснят действие сознания и дадут способ избавиться от загадочной беспричинной тоски.

Мемуарист приводит множество миниатюрных новелл о жизненных случаях, вызывавших страх, возмущение, отчаяние, печаль – все это мерцающие эпизоды, не связанные общей сюжетной линией и поданные как спонтанные воспоминания, детали которых интересны кажущейся незначительностью. Рассказчик с одинаковым вниманием относится к фронтовым эпизодам Первой мировой и переживаниям ребенка по поводу петуха, клюнувшего его булку. Подобная манера не могла не вызвать неприязнь в воюющей и истекающей кровью стране. Однако творческая задача ее требовала.

Заметим, что с точки зрения одного из первых читателей романа, К.И. Чуковского, чьей рекомендацией и оценкой хотел заручиться автор перед публикацией, именно Зощенко-художник проявил себя в произведении наиболее ярко, тогда как ампула ученого далось писателю сложнее [см. Даниленко, 2011, с. 7]. С другой стороны, можно встретить и высокую оценку научной составляющей повести: «М.М. Зощенко сделал смелую для времени создания книги (1942–1943 гг.) попытку дать объяснение истории личности сразу на двух уровнях: психологическом (средствами психоанализа) и психофизиологическом (средствами условно-рефлекторной теории)» [Щукина, 2018, с. 369].

Есть какая-то особая незащищенность в открытом рассказе Михаила Михайловича о своем чувстве уязвимости и страха. А фигура рассудительного Исследователя, препарирующего собственную душу, подобна таинственно оперирующему профессору Преображенскому М.А. Булгакова или хирургу в кинофильме «Строгий юноша» А. Роома 1935 г. Можно согласиться с характеристикой П.В. Маркиной: «...писатель при всей своей уникальности созвучен эпохе с ее программой по возвращению молодости и бессмертию», вдохновленной идеей торжества науки над смертью Н.Ф. Федорова [Маркина, 2012, с. 142]. Исследователь, словно хирург-жрец, возвышается над тайнами жизни и смерти, управляющий превращениями, омоложениями, алхимическим преобразованием природы из несовершенной в совершенную. Зощенко даже прямо ссылается на разработанную древними жрецами целительную практику толкования снов, увиденных в ночном храме, призванную обнажить природу «нижнего этажа» души.

Зверство

Почему Мемуарист уверенно предоставляет себя Исследователю? Какого очищения ожидает, приходя к «жрецу»? Он вспоминает, словно воскресение, зарождение советского мира: «*Все позади*», «*я новый*». Дореволюционная жизнь оценивается скорее негативно, как противоречивая и несправедливая. Он вспоминает беспричинные унижения от учителей, собственную мать, часами ожидающую аудиенции начальника, чтобы выпросить вдовью пенсию, вспоминает отдыхавшего с любовницей генерала, которого точно так же часами ждут работники, чтобы получить у чрезвычайно «занятого» нанимателя оплату, вспоминает человека, у которого сгорел дом и который не мог построить новый, иначе, как украв деньги, хотя воровать дурно (это поразило детское сознание Мемуариста), вспоминает довольно пошлые творческие салоны. Есть что-то христианское в ощущении безвыходности, безнадежности мира всеобщего греха, который вроде бы с падением старой империи остается, наконец, «позади». Защита торжества разума, которую хочется видеть частью нового порядка, дает надежду пересмотреть «непреодолимость» зла и страдания.

Неоднократно в рассказах Мемуариста встречается образ зла как зверства. Он вспоминает сцену: медведь терзает застрявшие в ограде клетки лапки медвежонка, калеча собственного детеныша. Посетители зоопарка чувствуют сострадание к слабому существу. Но «мучитель» тут же покрывает самку, едва им же изуродованный, неспособный более жить, медвежонок с оторванными лапами оказывается застрелен сторожами. Мемуарист поясняет – увиденная ситуация прочертила для него линию между зверством и человечностью. Но существует ли вообще эта человечность или она лишь ободряющий призрак для того, кто оказывается в роли беспомощной жертвы или боится ей стать? Нечто дикое, торжествующе хамское и беспощадное присуще и людям, и люди не всегда могут этому сопротивляться. Мемуарист вспоминает встреченных им на фронте солдат, резавших свинью. Хотя животное страшно визжало, они разделявали его заживо, потому что, если сначала прирезать, «*вкус не тот будет*». Видя жалость молодого офицера, солдат пугающе уличает сочувствие как свойство слабейшего, запуганного: «*Нервы слабые у их благородия*». Далее, мы читаем и рассказ о бойце Красной армии, с которым писатель когда-то оказался в одном госпитале. Этот деревенский парень, получив гостинец из дома, наслаждается не столько возможно-

стью первым «*пожрать*» невиданный его голодными сослуживцами каравай, сколько унижением товарищей, которым он бросает куски хлеба. Зоценко описывает унижительную сцену, когда он пытается было противостоять хамству, не прикасается к «угощению», поданному с паянничаньем, но от голода тайно ночью все-таки съедает свой кусок. Попытки сохранить достоинство часто оканчиваются безысходностью, страхом, тоской и беспомощностью. Человечности бесконечно трудно существовать в мире, где приходится бороться за жизнь. Фашизм – это ее полная капитуляция в этой борьбе. Гитлеризм пропагандирует «*звероподобных людей*», восхищается жестокими сражениями прекрасных и сильных существ за жизненное пространство.

Если освобождаемый нацистами «*низший этаж*», этот мир внеразумного, и стихийного, присущ человеческой психике, если он, подстергая каждого в самой глубине его души, встает вопрос о контроле и даже переустройстве психики. В том же «*низшем этаже*» видится и источник тоски, страдания, желания смерти как забвения и спасения от ужасов жизни. Зоценко, ссылаясь на схожие взгляды Горького, отвергает всякое, в том числе традиционное христианское, любовное страдание. Потому что согласие со страданием – рабство. Личность должна обрести власть над «*низшим этажом*», прежде всего, над страхом. Страх противоположен борьбе, поскольку вынуждает не сопротивляться и следовать, в конечном итоге, любым привычкам низменной природы души, даже нацизму. Разум, управляющий чувствами через произвольное формирование рефлексов, это средство контроля.

Цена контроля

Таит ли опасность подобный контроль? Х. Арндт характерной чертой тоталитарного режима считает своеобразное приведение всех людей к одному знаменателю, сведение личности со всем присущим ей многообразием мотивов и переживаний к стандартизированному набору предсказуемых реакций. Закрытые лагеря – это высшее воплощение подобной государственности, масштабный «*эксперимент по искоренению самой самопроизвольности*» [Арндт, 1996, с. 569]. К. Поппер также не может принять уничтожения личного решения и личной же ответственности, когда в социуме индивидуальное отрицается ради общей цели [Поппер, 1992 (Т.1), с. 152]. Позиция М. М. Зоценко предполагает, что управление рефлексами все-таки благо, но осознает и дурные послед-

ствия, о которых много говорит в связи с творческой активностью: «*Но разве от этих битв не пострадало мое ремесло художника? Разве победивший разум не изгнал вместе с врагами то, что мне было дорого, искусство?*» [Зощенко, URL]. Приходится согласиться с замечанием А.И. Куляпиным: «В повести “Перед восходом солнца” напрямую сопрягаются темы творчества и болезни» [Куляпин, с. 1998]. Творческие гении подозрительно часто оказывались далекими от стройной рациональности невротиками. Тоска и отчаяние обнаруживались в образах Есенина, Маяковского, Блока, и множества других. Творческий ум в силу «специфических свойств» склонен к фантазиям и сверхчувственным восприятиям, что делает его более уязвимым для «возникновения ошибочных нервных связей». Но подобный невроз как отклонение от нормы есть и проявление спонтанности, без которой человек превращается в автомат, в узника лагеря. Неслучайно искусство СССР и Гитлеровской Германии характеризуется искусствоведами как особое «тоталитарное» искусство, отвергающее любое самовыражение художника, отступающее от задачи трансляции идеологического канона [Голомшток, 1994; Гройс, 1993]. Проблема вырисовывается чисто философская: а может ли победившее сознание остаться индивидуальным сознанием?

Разум всеобщий и разум индивидуальный у истоков европейской мысли

Для философии это очень древний вопрос. К. Поппер не случайно в первую очередь обращается к критике не более близкого ему по времени Маркса, а к древнему Платону. Афинский мыслитель подчеркивал: «*Пестрота порождает разнужданность*» [Платон, Государство, 404e, URL], видя в демократии не столько торжество критической мысли и личной ответственности, сколько попустительство стихийным, титаническим силам через как раз отсутствие ответственности: свое нравие, бесстыдство, нежелание подчиняться [Платон, Законы, 701c, URL]. Контроль общества над восприятием индивида Платон не просто допускал, но и приветствовал, подчеркивая важность формирования предпочтений и привычек: «*Верно направленные удовольствия и страдания составляют воспитание*» [Платон, Законы, 653c, URL]. К искусству с его воздействием на человека философ испытывал недоверие и колоссальный интерес одновременно. Жизнь совершенной колонии в его «Законах» сравнивается с общим танцем или хором, объединенным стремлением к пре-

красному. Но граждане общины прогоняют с городской площади актеров, запрещая трагедию с ее неконтролируемым страстным дионисийским выплеском эмоций: «*...весь наш государственный строй представляет собой подражание самой прекрасной и наилучшей жизни. Мы утверждаем, что это и есть наиболее истинная трагедия*» [Платон, Законы 817b, URL].

Драматизм противостояния индивидуального и всеобщего в платонической традиции обсуждался – наиболее значительным было влияние на мировую культуру Плотина, философа III в н.э., и его учеников, считавших себя комментаторами и последователями Платона. Индивидуальные души, согласно Плотину, способны то объединяться в мистическом экстазе со всеобщим Разумом и его источником (невыразимым Единым), то по собственной гордости падать до индивидуального сознания. Индивидуальность души расценивалась как несчастье и забвение лучшего, растворенного в высшем начале, существования (см., например, Эннеады V 1–6) [Плотин, 2005, с. 5–35; 181–191]. Христианство, соперничавшее и соприкасавшееся с неоплатонизмом в первые века своего становления, напротив, сделало акцент на личной ответственности перед Богом, а значит и отвергло растворение личного в коллективном даже ради слияния с прекрасным мировым умом. С.С. Неретина на примере произведений Боэция показывает, как сложна оказалась терминология ученика Плотина, Порфирия, для описания личности: личность – это не то же самое, что субстанция, род или вид, конкретного человека уже невозможно определить как общее понятие («разумное животное») [Неретина, 2006, с. 313–316]. При этом этические требования этой религии были строги, проповедовалась любовь к благому и совершенному, самоограничение и дисциплина.

К. Поппер, который подчеркивает ценность личного суждения, выступает наследником именно христианского взгляда на стремление к благу (время от времени он даже открыто ссылается на христианские этические принципы [Поппер, 1992 (Т. II), с. 277]). И Михаил Михайлович Зощенко, трогательно писавший о человеческих чувствах даже в разгар строительства советской коллективистской утопии, скорее в том же «стане» – даже фашизм он анализирует сквозь призму индивидуальных переживаний и мотивов, а не всемирных законов исторического развития (и это в том числе будут ставить ему в вину, когда начнется травля!). Он вспоминает свое детское осознание собственного плача, случившееся еще до пяти лет: «Я», «Я

сам», и эта единица по ходу развития повести не исчезает и не растворяется в высшем, всеобщем. Изучение рефлексов позволяет избавиться это «Я» от страданий, проявить к нему внимание и сочувствие.

Творчество и личный выбор

Но где этой единице найти пространство для существования, если она часть общества, часть свершений, часть страны, победившей фашизм? Тем более, что единица никоим образом не укладывается во «всеобщие» правила. Дворянин, эксплуататор и классовый враг трудящихся, сочувствует становлению нового мира, остается преданным Родине и не желает эмигрировать, но все же и открыто рассказывает о чувствах тоски, страха, безысходности, протеста против жестокости. Сплошная спонтанность без единых для всех законов истории! Когда подобное «Я» вдруг начинает говорить, творчество превращается не в проявление классового сознания, а в глубоко личный выбор, этический в том числе, в исследование самого себя, собственных мотивов, а значит, и в принципиальное признание этих мотивов, утверждение их необходимости для сопротивления злу. Своеобразный научный антураж повести показывает, как тяжело этот выбор дается: Исследователю хочется опереться на науку как на беспристрастное торжество ума, устраняющее иррациональность удобными и всем понятными законами, гарантирующими победу. Но почему-то среди лучших вещей в человеческой жизни в конце повести называются все-таки «искусство и разум», а не просто «разум», и значительная часть текста посвящена анализу биографий творческих гениев. Выбирая сознание, важно остаться художником, а не просто ученым, потому что художник способен показать, что разум – это собственный выбор единицы, а не работа автомата. Зоценко пытается сам быть таким художником, создавая повесть того, кто предпочел не «низший», а именно «высший» этаж личности. Произведение – это доказательство, что подобное предпочтение возможно. Впрочем, за читателем остается право совершенно «спонтанно» и самостоятельно оценить его труд. Михаил Михайлович пишет: *«Моя рука стала тверже. И голос звонче. И песни веселей. Я не потерял мое искусство. И тому порукой мои книги за последние десять-двенадцать лет. Тому порукой эта моя книга»* [Зоценко, URL].

Библиографический список

1. Арентд Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю.

Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Москва : ЦентрКом, 1996. 672 с.

2. Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. Москва : Галарт, 1994. 296 с.

3. Гройс Б. Е. Утопия и обмен. Москва : Издательство «Знак», 1993. 380 с.

4. Даниленко В. П. На грани науки и искусства. О книге М. М. Зоценко «Перед восходом солнца» // Вестник ИГЛУ. №1 (13), 2011. С. 6–10.

5. Жолковский А. К. Михаил Зоценко: поэтика недоверия. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1999. 392 с.

6. Зоценко М. М. Перед восходом солнца // Электронная библиотека Modernlib.net: интернет-портал. URL:

https://modernlib.net/books/zoschenko_mihail/pered_vos_hodom_solnca/read_1 (дата обращения 01.06.2020).

7. Колесникова Е. И. Эмоционально-смысловые доминанты в произведениях советской литературы 1940-х годов (М. Зоценко и А. Платонов) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. №4 (16). С. 98–112.

8. Куляпин А. И. «Разум должен победить» (М. Зоценко и Е. Замятин) // Известия Алтайского государственного университета. №3. 1998. С. 147–150.

9. Маркина П. В. Психические аномалии в творчестве М. М. Зоценко и Ю. К. Олеси // Известия АлтГУ. 2012. № 2–1. С. 140–147.

10. Неретина С. С. Огурцов А. П. Пути к универсалиям. Санкт-Петербург : Издательство русской христианской гуманитарной академии, 2006. 1000 с.

11. Платон. Законы / пер. А. Н. Егунова // PSYLIB. Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры: интернет-портал URL:

<http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 01.06.2020).

12. Платон. Государство / пер. А.Н. Егунова // PSYLIB. Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры: интернет-портал. URL:

<http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos01.htm> (дата обращения 01.06.2020).

13. Плотин. Пятая эннеада = Fifth Ennead / пер. Т. Г. Сидаша. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2005. 320 с.

14. Попов В. В. Михаил Зоценко. Беспризорный гений. Москва : Издательство АСТ, 2017. 249 с.

15. Поппер К. Свободное общество и его враги. Т. I. Чары Платона / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

16. Поппер К. Свободное общество и его враги. Т. II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

17. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Книгогид: интернет-портал. URL:

<https://knigogid.ru/books/812721-ekzistencializm-eto-gumanizm/toread> (дата обращения 01.06.2020).

18. Худенко Е. А. Повесть М. М. Зощенко «Перед восходом солнца»: реализация жизнетворческих поисков // Знание. Понимание. Умение. 2011. №1. С. 148–152.

19. Щукина М. А. Пять рождений личности: ступени персоногенеза в автобиографическом трактате М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» // Психология. Журнал ВШЭ. 2018. № 2. С. 368–383.

20. May R. Superego as Literary Subtext: Story and Structure in Mikhail Zoshchenko's before Sunrise // Slavic Review. Vol. 55, No. 1 (Spring, 1996). P. 106–124.

Reference List

1. Arendt H. Istoki totalitarizma = History of totalitarianism / per. s angl. I. V. Borisovoj, YU. A. Kimeleva, A. D. Kovaleva, YU. B. Mishkenene, L. A. Sedova. Moskva : CentrKom, 1996. 672 s.

2. Golomshtok I. N. Totalitarnoe iskusstvo = Totalitarian art. Moskva : Galart, 1994. 296 s.

3. Grojs B. E. Utopiya i obmen = Utopia and exchange. Moskva : Izdatel'stvo «Znak», 1993. 380 s.

4. Danilenko V. P. Na grani nauki i iskusstva. O knige M.M. Zoshchenko «Pered voskhodom solnca» = On the verge of science and art. About the book by M. M. Zoshchenko «Before sunrise» // Vestnik IGLU. №1 (13), 2011. S. 6–10.

5. Zholkovskij A. K. Mihail Zoshchenko: poetika nedoveriya = Mikhail Zoshchenko: the poetics of distrust. Moskva : SHkola «YAzyki russkoj kul'tury», 1999. 392 s.

6. Zoshchenko M. M. Pered voskhodom solnca = Before Sunrise // Elektronnaya biblioteka Modernlib.net: internet-portal. URL: https://modernlib.net/books/zoschenko_mihail/pered_voskhodom_solnca/read_1 (data obrashcheniya 01.06.2020).

7. Kolesnikova E. I. Emocional'no-smyslovye dominanty v proizvedeniyah sovetskoj literatury 1940-h godov (M. Zoshchenko i A. Platonov) = Emotional and semantic dominants in the works of Soviet literature of the 1940s (M. Zoshchenko and A. Platonov) // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2008. №4 (16). S. 98–112.

8. Kulyapin A. I. «Razum dolzhen pobedit'» (M. Zoshchenko i E. Zamyatin) = «Reason must win» (M. Zoshchenko and E. Zamyatin) // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. №3. 1998. S. 147–150.

9. Markina P. V. Psihicheskie anomalii v tvorcestve M. M. Zoshchenko i YU. K. Oleshi = Mental anomalies in the works of M.M.Zoshchenko and Yu.K. Olesha // Izvestiya AltGU. 2012. №2-1. S. 140–147.

10. Neretina S. S. Ogurcov A.P. Puti k universaliam = Paths to universals. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2006. 1000 s.

11. Plato. Zakony = Laws / per. A. N. Egunova // PSYLIB. Psihologicheskaya biblioteka Kievskogo Fonda codejstviya razvitiyu psihicheskoy kul'tury: internet-portal URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (data obrashcheniya 01.06.2020).

12. Plato. Gosudarstvo = State / per. A. N. Egunova // PSYLIB. Psihologicheskaya biblioteka Kievskogo Fonda codejstviya razvitiyu psihicheskoy kul'tury: internet-portal. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos01.htm> (data obrashcheniya 01.06.2020).

13. Plotinus. Pyataya enneada = Fifth Ennead / per. T. G. Sidasha. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2005. 320 s.

14. Popov V. V. Mihail Zoshchenko. Besprizornyj genij = Michail Zoshchenko. Homeless genius. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2017. 249 s.

15. Popper K. Svobodnoe obshchestvo i ego vragi = Free society and its enemies. T. I. CHary Platona / per. s angl. pod red. V. N. Sadovskogo. Moskva : Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa», 1992. 448 s.

16. Popper K. Svobodnoe obshchestvo i ego vragi. T. II. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly = Free society and its enemies. T. II. The time of false prophets :Hegel, Marx and other oracles / per. s angl. pod red. V. N. Sadovskogo. Moskva : Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa», 1992. 528 s.

17. Sartr J. P. Ekzistencializm – eto gumanizm = Existentialism – is humanism // Knigogid: internet-portal. URL: <https://knigogid.ru/books/812721-ekzistencializm-eto-gumanizm/toread> (data obrashcheniya 01.06.2020).

18. Hudenko E. A. Povest' M. M. Zoshchenko «Pered voskhodom solnca»: realizaciya zhiznetvorcheskih poiskov = The story of M. M. Zoshchenko «Before the sunrise»: the implementation of life-creating searches // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. № 1. S. 148 –152.

19. Schukina M. A. Pyat' rozhdenij lichnosti: stupeni personogeneza v avtobiograficheskom traktate M. M. Zoshchenko «Pered voskhodom solnca» = Five births of personality: the stages of personogenesis in the autobiographical treatise of M. M. Zoshchenko «Before sunrise» // Psihologiya. Zhurnal VSHE. 2018. №2. S. 368–383.

20. May R. Superego as Literary Subtext: Story and Structure in Mikhail Zoshchenko's before Sunrise // Slavic Review. Vol. 55, No. 1 (Spring, 1996). P. 106–124.